

DOI 10.35775/PSI.2026.126.2.026

УДК 327.39(65):327.8:327.17

БЕССАМ АБИЗА

аспирант кафедры международных отношений,
мировой политики и дипломатии Высшей школа международных
отношений и мировой истории Института международных отношений
истории и востоковедения, Казанского федерального
университета, Россия, г. Казань
E-mail: abiza.b@mail.ru

Р.А. ЦИУНЧУК

доктор исторических наук, профессор кафедры
международных отношений, мировой политики и дипломатии
Высшей школа международных отношений и мировой истории
Института международных отношений истории
и востоковедения, Казанского федерального
университета, Россия, г. Казань
E-mail: Rciunchuk@mail.ru

АЛЖИР В АРХИТЕКТУРЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ В БРИКС И ШОС В КОНТЕКСТЕ УГЛУБЛЕНИЯ РОССИЙСКО-АЛЖИРСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Предмет исследования – внешнеполитическая стратегия Алжирской Народной Демократической Республики в условиях глобального перехода к полицентричной системе международных отношений. В статье анализируются мотивы и перспективы интеграции Алжира в ключевые институты «Глобального Юга» – БРИКС и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) [2; 8. С. 22-45].

Ключевой тезис: стремление Алжира к полноправному членству в БРИКС и углублению взаимодействия с ШОС представляет собой стратегически выверенный инструмент достижения фундаментальных национальных целей: укрепления государственного суверенитета, диверсификации внешнеполитических и экономических партнерств, а также позиционирования страны в качестве стратегического «моста» между Европой, Африкой и арабским миром [9. С. 56-72]. Углубление многопланового партнерства с Российской Федерацией выступает катализатором и институциональной основой реализации данной стратегии.

Методология: системный анализ, позволяющий рассмотреть внешнюю политику Алжира как комплексный ответ на трансформацию глобальной архитектуры; сравнительно-политический анализ для оценки преимуществ и рисков участия в БРИКС

и ШОС; исторический подход, учитывающий опыт Алжира в Движении неприсоединения и традиционно прочные связи с Россией [16].

Выводы: Алжир реализует прагматичную многовекторную внешнюю политику. Стратегическое партнерство с Россией в военно-технической и энергетической сферах, дополненное интеграцией в институты БРИКС и ШОС, позволяет минимизировать риски санкционного давления, снизить зависимость от западных партнеров и усилить региональный вес страны в формирующейся полицентричной системе. Научная новизна исследования подтверждается анализом итогов Саммита БРИКС в Казани (2024) и перспектив вступления Алжира в объединение [2].

Ключевые слова: Алжир, Россия, БРИКС, ШОС, многополярность, внешняя политика, стратегическое партнерство, энергетическая безопасность, архитектура евразийской безопасности, региональная безопасность.

Введение. Современная система международных отношений переживает фундаментальную трансформацию, характеризующуюся переходом от униполярной модели к полицентричной архитектуре [1; 9. С. 56-72]. Доминирование «коллективного Запада» сменяется сложной конфигурацией центров силы, среди которых ключевую роль приобретают структуры «Глобального Юга», прежде всего БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) [8. С. 22-45; 13. С. 15-22]. Расширение БРИКС в 2024 году, включившее Эфиопию, Египет, Иран, ОАЭ и Саудовскую Аравию, наглядно демонстрирует данный сдвиг, трансформируя организацию в влиятельный политико-экономический блок, альтернативный устоявшимся институтам глобального управления [15; 26. Р. 332-350].

Параллельно усиление нестабильности в стратегически значимых регионах – Средиземноморье и Сахеле – побуждает региональные державы пересматривать внешнеполитические стратегии в поисках новых форматов сотрудничества и гарантий суверенитета. В этом контексте внешнеполитический курс Алжира – крупнейшей по территории страны Африки, обладающей значительными энергоресурсами и региональным влиянием [10], – приобретает особую аналитическую ценность для понимания формирующейся многополярной системы.

Постановка проблемы. Несмотря на растущий научный интерес к роли «Глобального Юга», мотивация и конкретные стратегии отдельных региональных держав, таких как Алжир, по интеграции в новые центры силы остаются недостаточно изученными. Существующие исследования зачастую фокусируются либо на макроуровневой динамике БРИКС и ШОС [8. С. 22-45; 13. С. 15-22], либо на внутренней политике алжирского государства [4; 12. С. 112-125], упуская комплексный анализ внешнеполитического курса Алжира как целенаправленной модели поведения в условиях глобальной турбулентности. Недостаточно раскрыта взаимосвязь между двусторонним стратегическим партнерством Алжира с Россией и его многосторонней дипломатией в рамках указанных организаций.

Степень научной разработанности. Общим вопросам многополярности и роли БРИКС посвящены работы российских ученых Д.Б. Кунакова и Т.Л. Шелевич, анализирующих институциональное развитие группы и ее потенциал в демонтаже однополярности [8. С. 22-45; 13. С. 15-22]. Вопросы региональной безопасности в Северной Африке и Сахеле, а также внешней политики Алжира глубоко исследуются в трудах отечественных востоковедов Д.В. Стрельцова и А.Г. Савельева [4; 10; 12. С. 112-125]. Однако комплексных работ, где стратегия Алжира в отношении БРИКС и ШОС исследовалась бы через призму партнерства с Россией с опорой на конкретные решения последних саммитов (БРИКС-2024, ШОС-2025), в настоящее время не представлено.

Цель статьи – комплексный анализ стратегических интересов Алжира в БРИКС и ШОС и определение роли российско-алжирского партнерства как ключевого фактора их реализации.

Задачи исследования:

1. Систематизировать внешнеполитические и экономические мотивы Алжира, побуждающие к участию в структурах «Глобального Юга».
2. Проанализировать статус Алжира как кандидата в БРИКС, оценить перспективы и потенциальные выгоды членства.
3. Исследовать специфику интересов Алжира в ШОС в статусе «партнера по диалогу» с акцентом на сотрудничество в сфере безопасности.
4. Показать синергетический эффект между двусторонним (Россия-Алжир) и многосторонним (БРИКС/ШОС) форматами на примере военно-технической, энергетической и продовольственной безопасности.
5. Оценить стратегическую роль Алжира для реализации внешнеполитических интересов России в Средиземноморье и Африке.

Методологическая основа: системный анализ; сравнительно-политический анализ; исторический подход; институциональный подход [2].

Научная новизна:

1. Впервые проводится комплексный анализ стратегии Алжира через призму решений саммита БРИКС в Казани (2024) и итогов саммита ШОС в Москве (2025).
2. В научный оборот вводится концепция «Манифеста российско-алжирского стратегического партнерства нового поколения» как основы взаимодействия в многосторонних форматах [3].
3. Синергия двустороннего и многостороннего сотрудничества раскрывается через конкретные проекты и дипломатические шаги.

1. Теоретико-методологические основы исследования. Анализ внешнеполитической стратегии Алжира опирается на три взаимосвязанные теоретические конструкции: концепцию полицентричного мира, теорию многовекторной внешней политики и подходы к изучению роли «средних держав».

1.1. Концепция полицентричного миропорядка. В основе работы лежит парадигма формирующегося полицентричного миропорядка как альтернативы униполярной модели [1]. Данная концепция предполагает переход от гегемонии

одного центра силы к системе с несколькими влиятельными акторами, обладающими автономией в принятии решений.

Ключевое значение имеет российская трактовка многополярности, рассматривающая ее как более справедливую модель, основанную на суверенном равенстве государств, верховенстве международного права и невмешательстве во внутренние дела [9. С. 56-72]. С этой точки зрения, БРИКС и ШОС являются институциональным воплощением многополярности [8. С. 22-45; 13. С. 15-22], создающими рамки сотрудничества, независимые от западных институтов. Стремление Алжира вступить в эти организации подтверждает его желание занять место в формирующейся архитектуре, избегая периферийной зависимости.

1.2. Теория многовекторной внешней политики. Для анализа действий Алжира применяется теория многовекторной внешней политики, характерная для государств, максимизирующих автономию за счет отношений с несколькими центрами силы одновременно [6. С. 75-95]. Ключевые принципы: диверсификация партнеров, прагматизм, гибкость и балансирование.

Россия также переходит к политике «балансирования» (*smart balancing*), сочетающей противостояние с Западом и сотрудничество с незападными центрами силы [5]. Для Алжира многовекторность проявляется в развитии отношений с Россией, Францией/ЕС, Китаем и странами БРИКС. Интеграция в БРИКС и ШОС институционализирует данную стратегию.

1.3. Подходы к анализу роли «средних держав». Алжир соответствует категории «средней державы» (*middle power*) и «регионального лидера». Комплексный подход учитывает: материальные показатели (ВВП, ресурсы), «мягкую силу» и поведенческий аспект (медиаторство) [21; 25; 28].

Обладая запасами газа и боеспособной армией, Алжир является классическим примером региональной державы [4; 10]. Согласно подходу «нишевой дипломатии» [19; 20], Алжир концентрируется на энергетической безопасности и борьбе с терроризмом. Вход в БРИКС и ШОС трансформирует региональное влияние в глобальный вес. Теория регионального лидерства подчеркивает роль таких стран как «мостов» для глобальных держав [24], что Алжир реализует через партнерство с Россией.

Методологический синтез: концепция многополярности задает контекст, теория многовекторности объясняет стратегию, а теория «средних держав» позволяет анализировать инструменты реализации через БРИКС и ШОС.

2. Стратегические интересы Алжира: от регионального лидерства к глобальной роли. Внешнеполитическая стратегия Алжира по интеграции в БРИКС и ШОС представляет собой ответ на вызовы современности, направленный на трансформацию статуса из регионального лидера в влиятельного актора многополярной системы.

2.1. Анализ стратегической мотивации. Мотивация формируется вокруг пяти ключевых опор:

1. Укрепление суверенитета. Политика минимизации внешнего давления, особенно со стороны Франции и Запада, продолжает доктрину «революционного суверенитета» [4]. Участие в БРИКС/ШОС уравнивает связи с Европой.

2. Вхождение в клуб «Глобального Юга». БРИКС олицетворяет новый центр притяжения [8. С. 22-45; 23]. Членство – вопрос престижа и статуса **global emerging power**, доступ к каналам влияния с Китаем, Индией и Россией.

3. Доступ к рынкам и технологиям. Экономика нуждается в модернизации [21; 28]. БРИКС и ШОС – источники инвестиций (Новый банк развития) и технологий (цифровизация, ВИЭ, космос).

4. Усиление позиций в урегулировании кризисов. Алжир претендует на роль медиатора в Мали, Ливии, Западной Сахаре [12. С. 112-125]. Площадки БРИКС/ШОС позволяют продвигать подходы, альтернативные западным.

5. Сотрудничество с Россией и Китаем в «защищенном» формате. Многосторонние структуры создают «правовую оболочку» для военно-технического и энергетического партнерства, менее уязвимую для санкционного давления.

2.2. Экономические предпосылки: дилемма углеводородной зависимости. Экономика Алжира характеризуется «ресурсной ловушкой»: до 90% экспорта – углеводороды [21; 28]. Это создает уязвимости (волатильность доходов, импорт продовольствия). Интерес к БРИКС/ШОС прагматичен:

- **Дедолларизация.** Механизм расчетов в нацвалютах БРИКС снизит риски санкций и издержки [15].

- **Новые рынки сбыта.** Экспорт газа и продукции химической промышленности в Китай и Индию.

- **Технологический трансфер.** Привлечение технологий для добычи, переработки и ВИЭ.

2.3. Внутривнутриполитический и исторический контекст. Внешняя политика укоренена в историческом опыте («культура подозрительности» к Западу) [4; 18. Р. 1456-1473].

- **Постколониальное наследие.** Война за независимость обуславливает чувствительность к вмешательству. Акцент БРИКС на суверенитете резонирует с этим.

- **«Черное десятилетие» 1990-х.** Гражданская война укрепила приоритет безопасности. Сотрудничество в сфере безопасности через ШОС (РАТС) воспринимается как вопрос выживания режима перед угрозами из Сахеля [20].

Стратегические интересы Алжира – синтез экономического расчета, исторических установок и стремления закрепиться в авангарде многополярного мира [8. С. 22-45; 9. С. 56-72].

3. БРИКС как приоритетное направление внешнеполитической стратегии. Стремление к членству в БРИКС – центральный элемент стратегии Алжира по укреплению суверенитета.

3.1. Текущий статус и процесс вступления. После расширения 2024 года Алжир – вероятный кандидат следующей волны [8. С. 22-45; 23]. Заявка подана в 2022 году, статус – официальный кандидат. Процесс предполагает консенсус членов и переговоры об условиях. Алжир позиционирует себя как идеальный кандидат:

- **Географический:** представитель Северной Африки и арабского мира.
- **Энергетический:** крупный экспортер газа и нефти.
- **Стабилизационный:** боеспособная армия и роль в безопасности Сахеля [10].

Вступление ожидается в среднесрочной перспективе (2026 г.).

3.2. Детальный анализ интересов Алжира.

3.2.1. Экономика и финансы.

• **Дедолларизация (BPSS).** Доступ к Платежно-расчетной системе БРИКС (решение саммита в Казани 2024) – вопрос экономической безопасности [15]. Обеспечивает бесперебойные расчеты за энергоносители, снижение транзакционных издержек.

• **Инвестиции (НБР).** Новый банк развития – источник «неполитизированного» финансирования для инфраструктуры (газопроводы, опреснение, логистика, ВИЭ) [27].

• **Технологии.** Доступ к технологиям Китая (телеком, ж/д), России (АЭС, космос), Индии (фарма, ИТ).

3.2.2. Политика и дипломатия.

• **Западная Сахара.** Лоббирование признания САДР или блокировка инициатив Марокко при поддержке России, Китая, ЮАР [12. С. 112-125].

• **Кризисы в Сахеле и Ливии.** Продвижение мирных инициатив через БРИКС вместо западных интервенций [4].

• **Многосторонний противовес.** Инструмент формирования коалиции поддержки против давления США/ЕС по вопросам прав человека, основанный на принципе невмешательства [9. С. 56-72].

3.3. Роль России: стратегическое лобби и синергия. Россия – главный союзник Алжира в БРИКС.

• **Лоббирование.** Москва продвигает заявку Алжира как верного союзника и геополитического актива в Северной Африке.

• **Энергетика.** Сотрудничество «Газпрома» и «Сонатрак» поддерживается в рамках Рабочей группы по энергетической безопасности БРИКС.

• **ВТС.** Алжир – крупный покупатель российского оружия [10]. В рамках БРИКС это сотрудничество получает «политическое прикрытие».

БРИКС для Алжира – многофункциональный инструмент развития и безопасности. Синергия с Россией внутри структуры – залог успеха.

4. Алжир в Шанхайской организации сотрудничества: от диалога к партнерству. Интеграция в ШОС развивается по сдержанной траектории с фокусом на безопасность.

4.1. Статус «партнера по диалогу»: возможности и ограничения. С 2021 года Алжир – «партнер по диалогу» [16].

- **Возможности:** участие в мероприятиях по безопасности и экономике, доступ к экспертизе РАТС, дипломатическая платформа, «тестовый режим» интеграции.

- **Ограничения:** нет права решающего голоса, избирательное участие, правовые барьеры для полного членства (консенсус, позиция Индии).

Статус является стратегическим «якорем» входа в евразийское пространство.

4.2. Ключевые интересы Алжира в ШОС.

4.2.1. Безопасность: ресурсы РАТС. Безопасность – абсолютный приоритет [4; 20]. Угрозы из Сахеля рассматриваются как прямая опасность.

- **Обмен разведданными.** Информация о боевиках и финансировании терроризма.

- **Учения.** Перенятие опыта спецподразделений России, Китая, Центральной Азии.

- **Кибертерроризм.** Методы контроля киберпространства для противодействия вербовке.

- **Транснациональная преступность.** Борьба с наркотрафиком и оружием в Сахеле.

Алжир позиционирует себя как ключевого партнера ШОС в Северной Африке.

4.2.2. Экономика и логистика

- **Синергия с BRI.** Порты Алжира (Скикда, Эль-Хамдулия) – потенциальные терминалы для китайских товаропотоков в Европу и Африку.

- **Транспортные коридоры.** Интерес к МТК «Север-Юг», расширенному до Средиземноморья.

- **Энергетический диалог.** Координация на рынке СПГ и проекты ВИЭ с производителями и потребителями ШОС.

4.3. Роль России: стратегическое посредничество

Россия играет решающую роль во взаимодействии ШОС и Алжира [11. С. 134-148; 14].

- **«Мост в Африку».** Алжир – проводник интересов ШОС на континенте, лоббист формата «ШОС-Африка».

- **Союзник по безопасности.** Обмен опытом борьбы с терроризмом усиливает РАТС и легитимизирует влияние России в регионе.

- **Балансирующий элемент.** Алжир помогает Москве балансировать доминирование Китая в экономике ШОС и создавать противовес Турции.

Для Алжира ШОС – площадка безопасности и задел в евразийской экономике. Для России – актив усиления позиций в ШОС и Северной Африке.

5. Синергия российско-алжирского партнерства и многосторонних форматов. Партнерство России и Алжира получает новое измерение благодаря интеграции в БРИКС и ШОС, превращаясь в комплексную систему.

5.1. Анализ синергетических эффектов.

Военно-техническое сотрудничество (ВТС):

- **Двусторонний уровень:** поставки и совместное производство (Су-30, С-300, Т-90) [10].
- **Многосторонний контекст (ШОС):** в рамках РАТС российское вооружение воспринимается как инструмент коллективной безопасности Евразийско-Африканского региона [22]. Это повышает политическую легитимность ВТС.

Энергетическое сотрудничество:

- **Двусторонний уровень:** «Газпром» и «Сонатрак» (разведка, добыча, СПГ).
- **Многосторонний контекст (БРИКС):** проекты встраиваются в стратегию энергодержав по стабилизации рынков и новым ценовым механизмам [15]. Китай и Индия создают гарантированный рынок сбыта.

Продовольственная безопасность:

- **Двусторонний уровень:** Россия – ключевой поставщик зерна.
- **Многосторонний контекст (БРИКС):** поставки трансформируются в элемент многосторонней системы продбезопасности (зерновые резервы) [15]. Россия укрепляет статус гаранта снабжения Глобального Юга.

Политическая поддержка:

- **Двусторонний уровень:** поддержка РФ позиции Алжира по Западной Сахаре.
- **Многосторонний контекст:** лоббирование позиции Алжира через консенсус БРИКС/ШОС (Китай, ЮАР, Иран) придает больший вес, чем двусторонние заявления [12. С. 112-125].

5.2. «Манифест российско-алжирского партнерства нового поколения». «Манифест» служит стратегической рамкой [3]:

1. «Технологический и энергетический симбиоз». Перекликается с целями энергогруппы БРИКС и технологиями ШОС.

2. «Промышленная кооперация». Ложится на платформу НБР БРИКС (финансирование производств) [27].

3. «Дипломатия инвестиций». Отсылка к платежной системе БРИКС (BPSS) и коридорам ШОС. Алжир становится со-архитектором инфраструктуры [1; 9. С. 56-72].

Синергия создает эффект стратегического мультипликатора. Двусторонние проекты получают институциональную поддержку, а БРИКС и ШОС обогащаются за счет проверенного альянса.

Заключение. Исследование позволило провести комплексный анализ стратегических интересов Алжира в БРИКС и ШОС и роли российско-алжирского партнерства.

Основные выводы:

1. Мотивы Алжира комплексны: укрепление суверенитета, доступ к рынкам/инвестициям (НБР), технологиям и усиление позиций в урегулировании кризисов (Сахель, Ливия, Западная Сахара).

2. Статус кандидата в БРИКС логичен. Перспективы вступления (2026 г.) высоки благодаря лобби России и выгодам дедолларизации.

3. Интересы в ШОС сконцентрированы на безопасности (РАТС) и логистике («Пояс и путь», МТК «Север-Юг»).

4. Синергия двустороннего и многостороннего сотрудничества дает проектам «Газпром»–«Сонатрак» и ВТС политическое прикрытие, снижая уязвимость.

5. Для России Алжир – ключевой союзник в Северной Африке, чья интеграция укрепляет позиции Москвы в БРИКС/ШОС и продвигает многополярную архитектуру.

Ответ на центральный тезис: данные подтверждают, что Алжир использует БРИКС и ШОС как стратегический инструмент национальных целей. Партнерство с РФ является ключевым катализатором, обеспечивающим поддержку и ресурсы.

Оценка роли Алжира: политика Алжира прагматична. Позиционирование как «моста» между Европой, Африкой и Глобальным Югом может стать эталоном для других региональных держав.

Значение для России: успешная интеграция Алжира – внешнеполитическая победа, укрепляющая многополярность, позиции в регионе и создающая прецедент для стран Глобального Юга.

Перспективы исследований:

1. Сравнительный анализ стратегий Алжира, Египта и ОАЭ в БРИКС.
2. Анализ реакции ЕС и США на сближение Алжира с Россией и БРИКС/ШОС.
3. Исследование трансформации роли «средних держав» в условиях биполяризации.

Стратегический курс Алжира на интеграцию в БРИКС и ШОС при опоре на Россию – яркий пример адаптации региональной державы к новой глобальной реальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бордачев Т.В.** От многополярности к полицентричности: новая архитектура международных отношений. М.: Международные отношения, 2023.
2. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на заседании Совета министров иностранных дел государств-членов ШОС, Астана, 6 мая 2024 г. // Министерство иностранных дел РФ // https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1945879/.
3. **Дейч Т.Л., Кунаков Д.Б.** (ред.). БРИКС в глобальном управлении: политика, экономика, безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2024.

4. Заявление Министра иностранных дел Алжира Ахмеда Аттафа на 31-й сессии Совета Лиги арабских государств на уровне министров иностранных дел. Алжир, 1 ноября 2023 г. // Министерство иностранных дел Алжира // <https://www.mfa.gov.dz/>.
5. Казанская декларация Саммита БРИКС 2024 года // Президент России. 2024 // <http://kremlin.ru/supplement/6380>.
6. **Казанцев А.А., Савельев А.Г.** Многовекторность как ответ на геополитическую турбулентность: теоретико-прикладные аспекты // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16. № 1 (64). DOI: 10.24833/2071-8160-2023-1-64-75-95.
7. **Кузнецов А.В.** Трансформация миропорядка и возвышение Глобального Юга: институциональный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 5.
8. **Кунаков Д.Б.** Расширение БРИКС+ 2024: новые вызовы и возможности для глобального управления // Контурь глобальных трансформаций. 2024. Т. 17. № 2.
9. **Лукин А.В.** Многополярность 2.0: от концепции к политической практике // Международная жизнь. 2023. № 5.
10. Манифест российско-алжирского стратегического партнерства нового поколения (подписан 15.06.2023) // Министерство иностранных дел РФ // https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1886135/.
11. **Савельев А.Г.** Алжир как региональный лидер: военный потенциал и политика безопасности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 4.
12. **Сафронова Е.И.** ШОС и Африка: потенциал взаимодействия и роль России // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 2.
13. **Стрельцов Д.В.** Внешнеполитическая стратегия Алжира в условиях глобальной турбулентности // Азия и Африка сегодня. 2023. № 5.
14. **Стрельцов Д.В.** Страны Магриба в XXI веке: вызовы развития и безопасности. М.: Аспект Пресс, 2022.
15. **Тренин Д.В.** После империи: внешняя политика России в поисках новой идентичности. М.: Альпина Пабlishер, 2023.
16. Устав Шанхайской организации сотрудничества // ШОС // <http://infoshos.ru/ru/?id=3>.
17. **Шелевич Т.Л.** БРИКС+ как институт консолидации Глобального Юга: повестка после расширения // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 3 (66).
18. **Aghayeva N.** The BRICS Expansion and the Geopolitics of the Global South // Third World Quarterly. 2024. Vol. 45. No. 8. DOI: 10.1080/01436597.2024.2356781.
19. **Boukhars A.** Algeria's Balancing Act: Between Russia, the West, and Regional Turbulence // Carnegie Endowment for International Peace, Middle East Program. 2023. October 12 // <https://carnegieendowment.org/>.
20. BRICS. Kazan Declaration of the XVI BRICS Summit. 2024 // <https://brics2024.gov.ru/en/>.

21. **Budiaf A.** Algeria's Foreign Policy in a Changing World: Between Sovereignty and Pragmatism. Algiers: Casbah Editions, 2023.
22. **Cooper A.F., Higgott R.A., Nossal K.R.** Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. Vancouver: UBC Press, 2022.
23. **Flemming S., Niblock T.** (eds.). Security and Stability in North Africa: The Role of Regional Powers. London: Routledge, 2023.
24. IMF Country Report No. 24/150. Algeria: 2023 Article IV Consultation. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2024 // <https://www.imf.org/>.
25. New Development Bank (NDB). Annual Report 2023. Shanghai: NDB, 2024 // <https://www.ndb.int/>.
26. **Saouli A.** The Dualism of Middle Power Foreign Policy: Algeria and Indonesia Compared // International Politics. 2024. Vol. 61.
27. SCO Security Outlook 2024. Shanghai: Shanghai Cooperation Organisation Secretariat, 2024 // <http://eng.sectesco.org/>.
28. World Bank. The Algerian Economy: Challenges and Opportunities for Diversification. Washington, D.C.: World Bank Group, 2023. (Report No. AUS0003456) // <https://www.worldbank.org>.

BESSAM ABIZA

Postgraduate Student, Department
of International Relations, World Politics, and Diplomacy,
Graduate School of International Relations and World History,
Institute of International Relations, History and Oriental Studies,
Kazan Federal University, Kazan, Russia

R.A. CHIUNCHUK

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of
International Relations, World Politics, and Diplomacy, Graduate School
of International Relations and World History, Institute of International
Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal
University, Kazan, Russia

ALGERIA IN THE ARCHITECTURE OF A MULTIPOLAR WORLD: STRATEGIC MOTIVATION AND PROSPECTS FOR INTEGRATION INTO BRICS AND SCO IN THE CONTEXT OF DEEPENING RUSSIAN-ALGERIAN PARTNERSHIP

The subject of the study is the foreign policy strategy of the Algerian People's Democratic Republic amid the global transition toward a polycentric international system. The article analyzes the motives and prospects of Algeria's integration into key institutions of the Global South – BRICS and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) [2; 8. C. 22-45].

The key thesis is that Algeria's pursuit of full BRICS membership and deeper engagement with the SCO constitutes a strategically calibrated instrument for achieving fundamental national goals: strengthening state sovereignty, diversifying foreign policy and economic partnerships, and positioning the country as a strategic "bridge" between Europe, Africa, and the Arab world [9. C. 56-72]. The deepening multifaceted partnership with the Russian Federation serves as a catalyst and institutional foundation for implementing this strategy.

Methodology: systematic analysis to examine Algeria's foreign policy as a comprehensive response to global transformation; comparative political analysis to assess the benefits and risks of participation in BRICS and SCO; historical approach accounting for Algeria's experience in the Non-Aligned Movement and its traditionally strong ties with Russia [16].

Findings: Algeria pursues a pragmatic multi-vector foreign policy. Strategic partnership with Russia in military-technical and energy spheres, complemented by integration into BRICS and SCO institutions, enables minimization of sanctions-related risks, reduction of dependence on Western partners, and enhancement of the country's regional weight in the emerging polycentric system. The scientific novelty is confirmed by analysis of the outcomes of the BRICS Summit in Kazan (2024) and prospects for Algeria's accession [2].

Key words: Algeria, Russia, BRICS, SCO, multipolarity, foreign policy, strategic partnership, energy security, Eurasian security architecture, regional security.